

УДК 930.1:001.4:612.391

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ МАССОВОГО ГОЛОДА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

Матюшин К.А.

В статье рассматривается проблема научного языка, необходимого для сравнительного изучения массового голода. На основе отечественной историографии, словарей и исторических источников разграничиваются понятия, относящиеся к различным уровням анализа. Особое внимание уделено соотношению терминов «голод», «массовый голод», «голодный кризис», «голодомор» и «геноцид». Предлагается многоуровневая терминологическая модель, позволяющая точнее исследовать причины, развитие и последствия голодных катастроф.

Ключевые слова: голод, голодание, недоедание, продовольственная необеспеченность, продовольственный кризис, массовый голод, голодный кризис, голодомор, геноцид, историческая терминология.

ON THE SCIENTIFIC TERMINOLOGY OF THE MASS FAMINE STUDYING AS A HISTORICAL PHENOMENON

Matyushin K.A.

The paper examines the scientific language required for the comparative study of mass famine. Drawn on Russian historiography, dictionaries and historical sources, it distinguishes concepts belonging to different levels of analysis. Particular attention is paid to the relationship between the terms “hunger,” “mass famine,” “famine crisis,” “Golodomor” and “genocide.” A multi-level terminological model is proposed for a more precise analysis of the causes, development and consequences of famine crises.

Keywords: hunger, starvation, undernutrition, food insecurity, food crisis, mass famine, famine crisis, Golodomor, genocide, historical terminology.

Изучение массового голода относится к тем областям исторической науки, в которых терминологическая неточность непосредственно меняет объяснение причин, масштаба и характера события. Одним словом в исследованиях нередко обозначаются: ощущение нехватки пищи, длительное недоедание, массовая смертность, нарушение снабжения, политика государства, собственное имя конкретного события и уголовно-правовая квалификация. В результате понятия, принадлежащие разным уровням познания, образуют внешне синонимический ряд. Такая практика затрудняет сопоставление исторических случаев, поскольку одинаковые обозначения могут скрывать различные механизмы, а различные обозначения могут относиться к разным сторонам одного процесса.

Проблема имеет не только лексический характер. Массовый голод развивается в системе производства и распределения материальных благ. Его возможность определяется объемом и структурой продовольственного производства, формами собственности и хозяйственной организации, способами изъятия и перераспределения продукта, состоянием рынка и снабжения, доступом социальных групп к ресурсам, налоговой и заготовительной политикой, военными разрушениями, природными условиями и способностью государства к помощи населению. Поэтому термин должен показывать, какой элемент реальности исследуется: физиологическое состояние человека, положение домохозяйства, нарушение продовольственной системы, массовое социально-демографическое явление или весь исторический процесс.

Объектом исследования является понятийно-терминологический аппарат исторического изучения массового голода. Предмет составляют происхождение, содержание, логические отношения, область применения и ограничения понятий «голод», «голодание», «недоедание», «продовольственная необеспеченность», «продовольственный кризис», «массовый голод», «голодный кризис», «голодомор» и «геноцид». Цель состоит в построении многоуровневой и логически непротиворечивой системы терминов, пригодной для сравнительного анализа. Для ее достижения необходимо установить

значения терминов в справочных изданиях и отечественной историографии, определить их родовые и видовые признаки, соотнести с уровнями исторической реальности и проверить, может ли понятие «голодный кризис» обозначать целостный процесс.

Методологическую основу составляет историко-материалистическое понимание голода как результата взаимодействия природных условий с общественной организацией производства, распределения и власти. Урожай или совокупный продовольственный фонд еще не определяют реальное питание населения: между производством и потреблением находятся отношения собственности, обязательные поставки, налоги, цены, заработки, торговая сеть, карточные и иные нормы снабжения, транспорт, административные запреты и классово-профессиональная иерархия доступа. Поэтому анализ строится от материального воспроизводства общества к социально дифференцированным последствиям, а государственная политика рассматривается как внутренний элемент продовольственного механизма, а не как внешнее дополнение к нему.

Применены логический, понятийно-терминологический, историко-семантический, сравнительно-исторический, историко-системный методы и источниковедческая критика. Терминологический анализ предполагает составление понятийного ряда, классификацию терминов, исследование многозначности и синонимии, уточнение дефиниций и нормализацию системы, обеспечивающую однозначное соотнесение термина с уровнем объекта [14, с. 483-486]. Историческое понятие должно выделять устойчивую общность признаков, выполнять классификационную и объяснительную функции, но сохранять операциональную определенность [14, с. 396-398]. Эти положения требуют не искать одно слово для всех сторон голода, а установить иерархию взаимосвязанных понятий.

Источниковая база выстроена по принципу различения функций документов. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой фиксирует общеязыковую семантику. Терминологический словарь Института всеобщей

истории РАН задает правила работы с историческими понятиями. Политологический и социологический словари позволяют уточнить содержание кризиса, государства, класса и абсолютной бедности. Юридический словарь используется как справочный источник, но его формулировки проверяются по Конвенции 1948 г. и статье 357 Уголовного кодекса РФ (УК РФ). Отечественные монографии и документальные публикации показывают реальное употребление терминов в исследованиях голода. Переводной социологический словарь привлекается только как приложенное справочное издание, а не как зарубежная историография.

Научная новизна исследования состоит в разведении девяти терминов по уровням анализа и в обосновании связи между ними. Предлагается различать категорию всего процесса, категории отдельных механизмов и состояний, собственное имя события, мемориальное обозначение и юридическую квалификацию. Такое решение позволяет одновременно сохранить общеупотребительное слово «голод», обеспечить сопоставимость исторических случаев и исключить перенос правового вывода в исходное описание объекта.

Отечественная историография массового голода формировалась преимущественно вокруг конкретных исторических кризисов. Е.Н. Осколков исследовал хлебозаготовки и голод 1932-1933 гг. в Северо-Кавказском крае, связав региональное развитие бедствия с механизмом изъятия зерна, административным давлением и последствиями для населения [10]. В.Ф. Зима построил исследование голода 1946-1947 гг. как анализ происхождения и последствий, включив военные разрушения, засуху, государственную заготовительную и налоговую политику, статистику смертности и реакцию органов власти [4, с. 3-5]. Уже названия и структура этих работ показывают различие между голодом как центральным явлением и более широким процессом его возникновения и преодоления.

Н.А. Ивницкий представил голод 1932-1933 гг. в масштабе нескольких республик и регионов СССР. Сравнение Украины, Казахстана, Северного Кавказа, Поволжья, Центрально-Черноземной области, Западной Сибири и

Урала выводило исследование за пределы одной территории и требовало общей категории, способной охватить разные хозяйственные структуры и формы кризиса [5]. В.В. Кондрашин развил этот подход, рассматривая трагедию российской деревни через коллективизацию, хлебозаготовки, региональную социальную структуру, действия центра и местной власти, формы помощи и восстановление сельского хозяйства. В его исследовании продовольственный кризис обозначает нарастание нарушений снабжения и доступности хлеба, тогда как «выход из голодного кризиса» включает изменение хозяйственной и государственной ситуации после кульминации смертности [7, с. 366-367, 423; 468-470].

Работы по истории снабжения дополняют историографию голода исследованием распределительного механизма. Е.А. Осокина показала, что в годы индустриализации доступ к продовольствию определялся не только производством, но и централизованным распределением, рынком, карточной системой, ведомственной и социальной иерархией снабжения [11]. В.В. Кондрашин в специальной монографии о хлебозаготовительной политике раскрыл связь плановых заданий, методов их выполнения и сокращения ресурсов крестьянского потребления [8]. Тем самым отечественная литература фактически различает производство продовольствия, его государственное изъятие, распределение и конечный доступ населения, хотя не всегда закрепляет это различие в единой терминологической схеме.

Двухтомный сборник «Голод в России и Казахстане. 1927-1934» имеет особое значение для проверки процессуальной категории. Его состав охватывает документы о предпосылках, формировании и нарастании голодного кризиса, региональных особенностях, ошибках хлебозаготовок, реакции властей, помощи населению и преодолении последствий [3]. Включение в один документальный комплекс производства, заготовок, миграции, смертности, детской беспризорности, продовольственной помощи и восстановления хозяйства показывает, что объект исследования шире момента массовой

смерти. Термин «голодный кризис» в данном случае обозначает связь фаз и механизмов, а не служит эмоциональным синонимом слова «голод».

Следовательно, задача терминологии состоит не в замене слова «голод» новым универсальным словом, а в распределении понятий по функциям. Историография дает материал для такой нормализации: «продовольственный кризис» описывает нарушение системы, «массовый голод» фиксирует масштабное поражение населения, «голодный кризис» объединяет происхождение, развитие и последствия. Названия конкретных событий и их юридические квалификации должны присоединяться к этой системе после установления фактической структуры процесса, а не подменять ее.

Слово «голод» принадлежит общеупотребительной лексике и обладает несколькими значениями. В толковом словаре оно означает ощущение потребности в еде, длительное недоедание и отсутствие продуктов питания вследствие неурожая или иного бедствия [9, с. 215]. В одной словарной статье соединены индивидуальное ощущение, состояние питания и общественное бедствие. Такая многозначность исторически естественна, но делает слово недостаточным в качестве строго однозначного научного термина.

В историческом исследовании «голод» целесообразно сохранять как родовое и наиболее общее обозначение явлений, связанных с острой недостаточностью питания. Его область применения включает названия исторических событий, историографические темы и обобщающие суждения. Ограничение состоит в обязательном уточнении масштаба и уровня: голод отдельного человека, голодание группы, недостаток продовольствия в районе, массовый голод населения. Формула «причиной голода был неурожай» без такого уточнения смешивает сокращение производства с социальным механизмом доступа и не показывает, почему последствия распределялись между группами неравномерно.

«Голодание» обозначает процесс, протекающий в организме при отсутствии или резком недостатке питания. В словаре оно образовано от глагола «голодать», который может означать как вынужденное испытывание

чувства голода, так и добровольное воздержание от пищи [9, с. 215]. Родовым признаком является недостаточное поступление пищи, видовым – его процессуальное воздействие на конкретный организм. Уровень анализа индивидуальный или групповой физиологический. Историк использует термин при описании длительности лишения пищи, истощения, заболеваний, опухания и смертельных исходов, но не должен называть «голоданием» всю совокупность государственных решений и хозяйственных изменений.

Различение вынужденного и добровольного голодания имеет принципиальное значение. В медицинском, религиозном или протестном контексте человек может сознательно ограничивать питание. Массовый исторический голод характеризуется отсутствием реальной возможности получить необходимое продовольствие. Поэтому в дефиниции для исторической науки следует включить вынужденность, когда термин применяется к жертвам кризиса: массовое голодание – распространенный среди населения физиологический процесс длительного недостаточного поступления пищи, обусловленный недоступностью необходимых продуктов.

«Недоедание» в толковом словаре означает недостаточное питание [9, с. 611]. Понятие шире острого голодания по длительности и слабее по интенсивности. Оно обозначает состояние, при котором рацион не обеспечивает потребности организма в энергии и питательных веществах, но не обязательно приводит к немедленной массовой смертности. Недоедание может быть хроническим, сезонным и социально устойчивым. Его историческая значимость состоит в том, что оно снижает сопротивляемость заболеваниям, производительность труда и способность домохозяйства к воспроизводству еще до наступления явной кульминации голода.

Таким образом, три термина образуют не синонимы, а логическую последовательность. «Голод» выполняет функцию общего обозначения; «недоедание» фиксирует недостаточное качество и количество питания; «голодание» показывает физиологический процесс, который может усиливаться от умеренной недостаточности к истощению и смерти. Эти понятия

необходимы для анализа человеческих последствий, но не объясняют происхождение массового бедствия без категорий продовольственной системы и общественных отношений.

Термин «продовольственная необеспеченность» отсутствует как самостоятельная статья в рассматриваемых словарях, поэтому его нельзя выдавать за готовое словарное определение. Он вводится как операциональное понятие, обратное официальному содержанию продовольственной безопасности. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации связывает безопасность с физической и экономической доступностью пищевой продукции, а экономическую доступность – с возможностью приобретения продуктов по сложившимся ценам [см.: 15]. Отсюда продовольственная необеспеченность может быть определена как положение человека, домохозяйства, социальной группы или территории, при котором устойчивый физический или экономический доступ к достаточному питанию отсутствует.

Родовым признаком данного понятия является необеспеченность материальной потребности, видовыми признаками – отношение к продовольствию, устойчивость и недостаточность доступа. Уровень анализа находится между индивидуальным питанием и макроэкономической системой. Понятие позволяет исследовать, кто именно лишен пищи и по какому каналу: из-за отсутствия товара, потери дохода, высоких цен, дискриминационной нормы снабжения, транспортной изоляции, административного запрета торговли, утраты посевов или изъятия запасов. Оно особенно важно для объяснения социального различия последствий одного и того же урожая.

Ограничение понятия состоит в том, что оно обозначает состояние доступа, а не событие и не весь исторический процесс. Продовольственная необеспеченность может быть локальной и хронической, существовать без массовой смертности и сохраняться после завершения острой фазы. Она измеряет положение субъекта в системе распределения. Поэтому данный термин не следует употреблять как нейтральный эвфемизм массового голода,

но он необходим для выявления перехода от общественного производства к реальному потреблению.

«Продовольственный кризис» относится к системному уровню. Слово «продовольствие» означает продукты питания [9, с. 914], а «кризис» – резкий, крутой перелом; периодическое, относительное перепроизводство товаров, ведущее к расстройству экономической жизни, безработице и нищете трудящихся [9, с. 466]. Политологический словарь характеризует кризис как процесс крайнего обострения противоречий и перелома [12, с. 127]. Следовательно, продовольственный кризис – острое нарушение воспроизводства и движения продовольствия, возникающее из противоречия между потребностью населения и фактическими возможностями производства, изыятия, обмена, распределения и доступа.

В структуре продовольственного кризиса необходимо различать как минимум четыре звена. Производственный кризис выражается в падении урожая, поголовья, рыбного промысла или переработки. Распределительный кризис возникает при несоответствии государственных заготовок, торговых фондов, норм снабжения и реальных потребностей. Кризис обмена проявляется в разрушении рынка, резком росте цен, инфляции или отсутствии платежеспособного спроса. Кризис доступности означает, что продовольствие существует в хозяйственной системе, но конкретные группы не могут его получить. Эти звенья способны сочетаться, усиливая друг друга, но их аналитическое различие препятствует сведению любого голода к физическому отсутствию пищи.

Продовольственный кризис не обязательно достигает уровня массового голода. Государство и общество могут компенсировать падение производства запасами, импортом, перераспределением, снижением обязательных поставок, общественным питанием или адресной помощью. Напротив, кризис доступа может вызвать голодание при сохранении значительного общего фонда. Поэтому критерием перехода к массовому голоду служит не сам факт

дефицита, а распространение острого вынужденного голодания и связанных с ним социально-демографических последствий.

Понятие «массовый голод» должно занимать центральное место в описании кульминационной фазы. Его родовым понятием является голод как недостаточность питания, а видовой признак задается массовостью и общественным характером. Массовость нельзя сводить к произвольному численному порогу, одинаковому для города, района и страны. Она означает, что острое вынужденное голодание охватывает значительную часть определенного населения, превышает возможности индивидуального приспособления и превращается в фактор массовой заболеваемости, смертности, миграции и разрушения нормального воспроизводства общества.

Рабочее определение может быть сформулировано следующим образом: массовый голод – социально-демографическое явление широкого распространения острого вынужденного голодания в пределах определенной территории и времени, сопровождаемое резким ухудшением здоровья населения, повышенной смертностью, распадом обычных форм потребления и воспроизводства домохозяйств. В определение включаются не только смерти, поскольку статистика смертности часто неполна, а голод поражает и выживших. Одновременно наличие единичных смертей от истощения еще не доказывает массовый характер явления.

Уровень анализа понятия – население территории или социальная группа. Его признаки устанавливаются по совокупности источников: сведениям о рационах и ценах, отчетам медицинских учреждений, актам о смертности, данным естественного движения, сообщениям о массовом опухании и заболеваниях, миграции, беспризорности, продаже имущества, употреблении суррогатов, обращениях за помощью и административной переписке. Источниковедческая критика обязательна, поскольку власть могла использовать смягчающие обозначения «продовольственные затруднения», а позднейшая память могла переносить название события на более широкий период.

Массовый голод социально дифференцирован. Классовое положение определяется отношением к собственности и средствам производства, а классы действуют как реальные общественные силы [1, с. 115]. В условиях кризиса это проявляется в различии доступа к земле, запасам, заработку, карточкам, ведомственному снабжению и государственной помощи. Городской рабочий стратегического предприятия, служащий, колхозник, единоличник, спецпереселенец, ребенок и нетрудоспособный занимают неодинаковое место в распределении. Поэтому средний показатель продовольствия на душу населения может скрывать крайние различия между группами.

Проверка понятия «голодный кризис» должна исходить из его объяснительной функции, а не из предварительного предпочтения. Сочетание определяющего слова «голодный» с категорией кризиса указывает на процесс крайнего обострения противоречий в обеспечении населения пищей. В отличие от «продовольственного кризиса», который непосредственно относится к хозяйственной системе, «голодный кризис» включает переход системного нарушения в массовое голодание и его общественные последствия. В отличие от «массового голода», он охватывает фазы до и после демографической кульминации.

Рабочее определение предлагается в следующем виде: голодный кризис – целостный, ограниченный во времени и пространстве исторический процесс острого нарушения производства, распределения и доступности продовольствия, который развивается через социально дифференцированное недоедание и голодание, может достигать массовой заболеваемости и смертности, вызывает действия государства и общества и завершается перестройкой продовольственного механизма при сохранении демографических, хозяйственных и социальных последствий. Родовым понятием является исторический кризис, видовыми признаками – продовольственная обусловленность, массовое поражение питания и фазовая динамика.

В отечественной историографии понятие прошло практическую проверку. В.В. Кондрашин обозначает продовольственный кризис на Украине как нарастание нарушений с 1929 г., достигшее кульминации в первой половине 1933 г. [7, с. 366-367]. Раздел о выходе из голодного кризиса связывает преодоление бедствия с организационно-хозяйственным укреплением колхозов, подготовкой сева, продовольственными и семенными ссудами, корректировкой государственной политики и восстановлением личного хозяйства [7, с. 423; 468-470; 479-481]. При этом последствия продолжались и после снижения смертности [7, с. 483-486]. Такое употребление подтверждает, что термин охватывает динамику системы и общества.

Документальная публикация 2024 г. дополнительно подтверждает пригодность категории. В ней документы расположены так, чтобы раскрыть факторы, формирование, нарастание, региональные особенности, реакцию власти, борьбу с голодом и преодоление последствий [см.: 3]. Это соответствует фазовой модели: предпосылки; возникновение продовольственного кризиса; расширение продовольственной необеспеченности; массовое голодание; демографическая кульминация; экстренное вмешательство; восстановление; последствия. Каждая фаза имеет собственные источники и показатели, но они образуют единый объект.

Универсальность голодного кризиса не означает, что все исторические случаи имеют одинаковые причины. Категория задает сравнимые вопросы: как изменилось производство; кто контролировал продукт; какие каналы распределения действовали; какие группы потеряли доступ; когда недоедание перешло в массовое голодание; как реагировало государство; какие изменения завершили острую фазу. Ответы могут указывать на войну, засуху, колониальное изъятие, рыночный крах, административные заготовки или сочетание факторов. Универсальным является не причинный шаблон, а структура анализа.

Следовательно, «голодный кризис» наиболее пригоден как универсальная категория сравнительного изучения целостного процесса. Он сохраняет связь с человеческим содержанием голода, но включает производство, распределение, классовую структуру, государственные действия и последствия. При этом «массовый голод» остается необходимым понятием кульминационного явления, а «продовольственный кризис» – понятием хозяйственно-распределительного механизма.

Термин «голодомор» занимает иной уровень понятийной системы. В приложенных общих и специальных словарях самостоятельной исторической дефиниции этого слова нет. В современной отечественной историографии и политико-мемориальном дискурсе оно прежде всего связано с голодом 1932-1933 гг. на Украине и с определенной традицией объяснения и памяти. Поэтому его происхождение следует характеризовать не как нейтральное расширение слова «голод», а как формирование собственного имени конкретного события и его интерпретации.

Собственное историческое имя выполняет функции идентификации, периодизации и коллективной памяти. Оно может быть правомерным в исследовании, если автор точно указывает территорию, хронологию и историографическую традицию. Однако перенос слова «голодомор» на любой массовый голод превращает специальное имя в оценочную универсалию. Тогда заранее предполагаются намеренность, единый субъект воздействия и определенная национальная направленность, хотя эти признаки должны устанавливаться источниковедчески.

Российское официальное употребление также требует атрибуции. Постановление Государственной Думы 2008 г. говорит о памяти жертв голода 1930-х гг. на территории СССР, связывает трагедию с насильственной коллективизацией и не признает доказанным ее направленность на уничтожение конкретной этнической группы [13]. Этот акт выражает политико-мемориальную позицию российского государства, но не подменяет исторического анализа. Аналогично акты иных государств должны

рассматриваться как нормативные и мемориальные источники, а не как словарное основание универсальной категории.

Понятие «геноцид» принадлежит уголовно-правовому уровню. Его происхождение связано с формированием международного права после Второй мировой войны. Приложенные политологический и юридический словари раскрывают состав термина и перечисляют способы уничтожения группы [2, с. 122; 12, с. 62]. Однако юридический словарь в начальной формулировке расширяет перечень мотивов, поэтому решающее значение имеет первичный нормативный источник. Конвенция 1948 г. определяет геноцид как перечисленные действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую [6, ст. II]. Статья 357 УК РФ воспроизводит защищенные группы, направленность на их уничтожение и способы создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение.

Отсюда следуют четыре обязательных разграничения. Во-первых, массовая смертность сама по себе не тождественна геноциду. Во-вторых, тяжесть последствий не заменяет доказательство специального намерения. В-третьих, социальная или классовая группа не включена в закрытый перечень защищенных групп Конвенции и статьи 357 УК РФ. В-четвертых, лишение продовольствия может быть способом геноцида только тогда, когда доказано предумышленное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение защищенной группы.

Историческая наука вправе исследовать документы о целях, выборе объектов политики, осведомленности власти и реакции на смертность. Она может установить наличие или отсутствие фактических признаков, необходимых для правовой оценки. Но термин «геноцид» нельзя вводить как синоним массового голода или как исходную характеристику, поскольку тогда юридический вывод становится предпосылкой исследования. Корректная формула должна прямо атрибутировать квалификацию: «событие признано геноцидом таким-то нормативным актом», «исследователь обосновывает

квалификацию», «в настоящей работе вопрос проверяется по критериям Конвенции».

Таким образом, «голодомор» и «геноцид» не входят в один ряд с «недоеданием», «продовольственным кризисом» и «массовым голодом». Первое является собственным историко-мемориальным именем, второе – юридической квалификацией. Оба термина могут быть предметом исторического исследования, но не должны определять базовое описание до реконструкции материального процесса, социальной направленности и намерений субъектов политики.

Предлагаемая система строится по принципу восхождения от непосредственного состояния человека к общественному процессу и последующей квалификации. На физиологическом уровне находятся голодание и недоедание. На уровне доступности – продовольственная необеспеченность. На хозяйственно-системном уровне – продовольственный кризис. На социально-демографическом уровне – массовый голод. На процессуально-историческом уровне – голодный кризис. Над этой аналитической системой располагаются собственные имена событий и мемориальные обозначения, а отдельно – юридические квалификации.

Логические отношения между понятиями не являются простой лестницей тяжести. Продовольственная необеспеченность может существовать без общего продовольственного кризиса, если из распределения исключена отдельная группа. Продовольственный кризис может быть преодолен до массового голода. Массовое голодание может начаться в одной части территории, тогда как совокупный продукт остается достаточным. Голодный кризис объединяет эти переходы, но его конкретная структура должна быть доказана для каждого случая.

Научная терминология изучения массового голода должна быть многоуровневой. Слово «голод» следует сохранять как общее родовое обозначение, но каждый исследовательский тезис обязан уточнять, идет ли речь об ощущении, недоедании, голодании, отсутствии продовольствия или

общественном бедствии. «Недоедание» обозначает недостаточное питание, «голодание» – физиологический процесс, «продовольственная необеспеченность» – положение субъекта, лишенного устойчивого доступа к пище, «продовольственный кризис» – нарушение производства, распределения, обмена и доступности, «массовый голод» – социально-демографическую кульминацию с массовым поражением населения.

Наиболее пригодной универсальной категорией для сравнительного исследования целостного процесса является «голодный кризис». Она объединяет материальные предпосылки, развитие продовольственного кризиса, социальную дифференциацию доступа, действия государства, массовое недоедание и голодание, смертность, миграцию, помощь, восстановление и последствия. Ее преимущество подтверждается не только логической структурой понятия кризиса, но и практикой отечественной историографии и современных документальных публикаций. Категория не заменяет «массовый голод»: первый термин обозначает процесс, второй – его наиболее тяжелое социально-демографическое явление.

«Голодомор» необходимо использовать как собственное историко-мемориальное имя конкретного события и обозначение историографической традиции с обязательным указанием территории, хронологии и субъекта атрибуции. Его нельзя превращать в универсальный термин для всех голодных кризисов. «Геноцид» является самостоятельной юридической квалификацией, требующей доказательства защищенной группы, специального намерения и предусмотренных законом действий. Следовательно, научно корректное исследование движется от реконструкции производства, распределения, доступности и человеческих последствий к именованию события и только затем, при наличии оснований, к обсуждению правовой квалификации.

Список литературы:

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. И.Г. Ясавеева; под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. 620 с.
2. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.
3. Голод в России и Казахстане. 1927-1934: сборник документов: в 2 т. / Отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. В.В. Кондрашин, М.Г. Жылысбаева. М.: Кучково поле Музеон, 2024. Т. 1. 920 с.; Т. 2. 1160 с.
4. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 265 с.
5. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собрание, 2009. 288 с.
6. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [сайт]. 2026. URL: <https://goo.su/D95alLs> (дата обращения: 04.08.2026).
7. Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 566 с.
8. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929-1933 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 350 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с.
10. Осколков Е.Н. Голод 1932/1933: хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1991. 91 с.

11. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. М.: РОССПЭН, 1998. 271 с.
12. Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. Политологический словарь-справочник. Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2008. 320 с.
13. Постановление ГД ФС РФ от 02.04.2008 г. № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР"» [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [сайт]. 02.04.2008. URL: <https://goo.su/IzjSB> (дата обращения: 04.08.2026).
14. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
15. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. 21.01.2020. URL: <https://goo.su/FAKTOoO> (дата обращения: 04.08.2026).

Сведения об авторе:

Матюшин Константин Александрович – студент Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Data about the author:

Matyushin Konstantin Aleksandrovich – student of Humanitarian Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

E-mail: matkonst1909@mail.ru.